

РОСТ ДУШИ

Душа заболела. Без причины. Душа заболела без причины, и поэтому захотелось спрятать боль, как стыд. Как невосполнимую потерю. Как тайну оголённого тела, приученного к тряпицам, и вдруг лишённого их. Душа заболела, потому что созрела до рождения. Выросла. И рёбра, как прутья камеры заключённого, врезались в бока! Тесно! Гулко! Воздуха бы в помощь! Бога! Свободы!

Душа требовала скинуть одежды времён. Жизней. Столетий бездействия, равносильных преступлению веков!

Услышать недостающие ноты в общем органе музыки сфер...

Антресолька спрятала глаза в пол, чтобы никто не видел смятения.

Кто поймет? Вольнодумные двоечники? Зубрилки-отличники? Учителя, уткнувшие очки в шоры учебников? Мать? Бабушка? Она сама?

Открыла портфель. Старый. Дранный. Тёплый. Его зачем-то сохранила пыль самой верхней полки. В нём – несколько исписанных тетрадей. И вдруг – покусанный фломастер, решительно воззвавший изливаться на бумагу неиссякаемый речной поток синих чернил!

Рука дрогнула, как у вора. Как у тех, кто нарушает Закон!

Ладонь узнала оружие, и вооружённая рукою, прямо там, на полу в коридоре, под распахнутыми замусоленными верхними дверцами, за которыми чёрным-чёрным космосом блеснули непокорные своиравные звезды Малой и Большой Медведицы, на обратной стороне выцветшей тетрадки – топорливо прописала (набросала) несколько строк:

«Люди должны быть гордыми,

Словно олени горные!

Люди должны быть сильными.

Слабости непростительны!!!»

Первое стихотворение, как приговор инквизитора, перевернуло самоличностный мир. Душа, заточённая в бездействии, получила стило, рычаг, с помощью старенького фломастера взломала ре-

шётки, разбила стёкла иллюминатора и вдохнула, наконец, солёные брызги океанической бездны Вселенной, умудрившись в бунтарстве своём запустить новый виток энергетически-светового механизма песочных часов, где песок – жизнь.

РОСТ СЕРДЦА

Жизнь, как понималось теперь – это что-то, вновь созданное, неожиданно и вопреки. Дерзкое. Ненужное.

...Пока ненужное...

Запоминались почему-то не физические законы, а то, как учительница Елена Сергеевна торопит время, чтобы закончить урок. Там, под книгами, спрятан с отключенным звуком её мобильный телефон. В книжном саркофаге захоронена на целых 45 минут надежда на счастье! Энергия жизни или смерти. Как повезёт. Впрочем, это воспринималось равнозначно.

Губы неровно покрашены. Тревога то появляется, то исчезает на дне зрачка. Рука на доске машинально выводит очередную формулу. Вечную. Скучную. Никому из присутствующих не нужную. Ни Антресольке. Ни её одноклассникам. Как далеки они сейчас от электричества и от всей физики. Зачем он им... закон Ома?

И вот уже класс, не сговариваясь... торопит время.

Сколько до звонка? Пятнадцать минут? Десять? Пять? Четыре?

Не выдержала Елена Сергеевна. Выдохнула. Сломалась. Приподняла учебники. Глянула на экран телефонного аппарата. В ужасе оцепенела. Чуть не рухнула на стул. Что увидела? Что???

Почему именно ЭТО остро ударило в солнечное сплетение Антресольки чужой безутешностью? Электрическим разрядом без проводов? Зелёной молнией оголённого чувства? Отсутствующим взглядом Елены, или в поисках, куда спрятать глаза, чтобы никто – НИКТО не мог раскрыть её страшной тайны.

Опять растёт душа?

Девочка осмотрелась. Одноклассники заняты, кто чем. Ни один не понял, как страдает сердце женщины от появившихся строк в мобильном телефоне. От непроявленной любви. А, может, и не было её, той любви, о которой мечтала молодая и очень красивая учительница физики?

Неужели никто так и не понял? Ничего не понял?

Антресолька почти задыхалась. Вслед за душой, росло её сердце...

Воздуха! Бога! Свободы! Смелости!

Где же взять её? В чём? Чтобы запустить из точки невозврата ...счастье любви истинной?

Да. Росло сердце, разбуженное чьим-то стуком, вынужденное застучать в ответ соучастием. Сопричастием. Причастием. При беде. При чувстве. Как вибрация Морзянки... тук-тук. Точка тире. Точка. Спасите наши души! SOS – стучало сердце, не услышанное никем, кроме неё... Может, она единственный проводник? Параметр???, характеризующий свойства всей электрической установки пространства и времени? Переговаривающиеся, перестукивающиеся, замкнутые друг на друга сердца, её и её учительницы теперь через три ряда парт стучали почти одновременно. Способные связывать один атом? Что это: атом? Что это – электричество? Валентность? Одновалентность? Одночувствие? Как Ом, великий и непогрешимый создал закон об электричестве, так и не поняв, что это???, электричество? Где оно? Почему не все сердца способны воспринимать биотоки переживаний? Почему для одних «закон писан», для других нет???. Может, это и не закон вовсе? А исключение.

Наконец, звонок.

Ученики выбегают. Остаются двое.

Антресолька кладёт перед учительницей тетрадный листок с очень важными словами:

«За окном туманно. За окном морозно.

Солнце церемонно тает во Вселенной.

Но тебя, любимый, видеть непременно

Я хочу сегодня. Завтра будет поздно...»

Это ключ. Это путь выхода из кажущегося беспросветным жизненного тупика. Нельзя терять ни минуты. Сознание Елены Сергеевны возвращается в реальность, и вот уже её пальчики

лихорадочно вбивают спасительный текст в СМС для него – на противоположной стороне мобильного.

А через полчаса она повисает в восторге на шее молодого человека, встречающего её у ворот школы...

Так впервые Антресолька, как некая проявившаяся реальность, подарила спасение в безнадежно проигранной шахматной партии здесь и сейчас. Её сила воздействия – сила тока в цепи, вопреки всем законам, оказалась прямопропорциональна сопротивлению. Хотя сам источник – истинный генератор напряжения, девочка Алька, носившая с детства глупую кличку Антресолька, вообще была как бы ни при чём.

Ни при делах. Ни при чувствах. Ни при результатах.

Что стало с влюбленной парой – неизвестно.

Но ключ! Ключ, найденный как бы случайно – четыре строчки, перевернувшие конструкции ситуативности – вот что доминировало в момент пробуждения сердца.

ЛЕГЕНДА О КРЫЛЬЯХ, РАССКАЗАННАЯ МАРФОЙ

Со времени пробуждения сердца из далёкого детства всё чаще вспоминался разговор с бабушкой, или... может, сон.

– А как цветет папоротник?

– Радужными бабочками! Тогда возле цветущего папоротника непременно появляется Змей Горыныч!

– Чтобы съесть?

– Чтобы измениться.

В воображении своём Алька видела, как невесомо и грациозно танцует, подобно колышущейся вуали Северного сияния, энергетический змей сбрасывает кожу слой за слоем, флюоресцируя весенне-зелёным, белым, розовым и фиолетовым оттенками. Этот грозный дракон абсолютно осязаемо превращался снова и снова из небесной фантастической изумрудной ленты в ласковую земную ящерицу..., а потом в зелёный дикий цветок папоротника.

– А Змей Горыныч это... хозяйка Медной горы?

– Нет. Он – хозяин наших чувств. Любви. Рождения. Смерти. Как только отрастают магические крылья цветов-бабочек на папоротнике, змей надевает их, и улетает за пределы земли к далеким звёздам...!

ДЕФИЦИТ СОЛНЦА

Первый раз она влюбилась серьезно, влюбилась, «как дура». Бегала со своими чувствами за пареньком. Тот – от неё. Упала. Разбила коленки в кровь.

Больно. Стыдно. Глупо.

Зачем?

Дефицит солнца – не повод загорать под луной.

А любовь?

Любооо-овь легендарного змея Кецаль-коатля к бабочке и бабочки-однодневки-падёнки к змею, этому исполину, лишь вздох которого приводит в движение атмосферу, а земные полюса озаряются полярным сиянием, разрезающим небосвод изгибами его энергетического следа – вот это любовь.

И это совершенно другое.

Фантастически-неправдоподобное, существующее для избранных, зеленовато-жёлтое магнитно-пептидное поле, блуждающее в слоях всех земных сфер, разрезающее пространство и время, проходящее через стучащие сердца взошедших на смерть по ступеням пирамиды Солнца ..., проникло теперь в Алькину жизнь, как приступы отчаяния и единственной правды, и управляет теперь её жизнью. Жизнью, не такой, как у других. Индивидуальной. Особенной.

И Антресолька научилась прятать это от всех.

Кроме своих снов, которые раз за разом приглашали и увлекали юную душу в новый полёт.

Не принимая их, не веря им, что они – истина, а не бред бредовый, Антресолька среди ночи резко отрывала голову от ничем не виноватой постели.

Застигнутая врасплох, не успевшая вернуться душа тыкалась то в подушку, то в одеяло, пока не просачивалась через грудь обратно в тело к тёплому сердцу. Поёживалась, взбрыкивала. Так хорошо леталось. Что заставляло снова и снова Антресолькино сознание отвергать возможность путешествовать среди миров и фантомов небытия? Страх? Недоверие Её Величеству Смерти?

«Хорошо, – думала девочка. – Не бейся, сердце. Не бунтуй. Досмотрю я тот сон о Змее и бабочке. Только здесь. В реальном мире. В полном уме и здравии. И путешествия ночные проанализирую».

Однако ни один закон не мог объяснить, почему во сне она летать может, а наяву – нет? Почему в снах она и змей и бабочка, а в жизни всего лишь человеческая особь, обладающая чётко выраженными женскими гендерными признаками с законсервированной внутри тела душой.

КРАПИВНЫЕ ВЕНИКИ

Любовь мифически-непережитого будущего или прошлого, и не понятая в юном теле, растворилась во времени, как вода в молоке. Ни воды. Ни молока.

Вот бабка – зачем молоко разбавляет? Как ни проси! Глаза старая Марфа выпучит. Ни одно слово, поперечница, не пропустит – всё-то обмусолит-оговорит. Эх, придется пить разбавленное. Да кому ж понравится?

Однако жажда так утолялась лучше. Теперь надо было бы проскользнуть мимо бабки, чтобы Марфа крапивою вдоль спины не протянула. Взяла где-то причину исправлять внучкин позвоночник. Спасу от неё нет.

– Давай! Давай! Ай, молодца! А я ещё добавлю! – хохотала Марфа, когда Антресолька сиганула напрямки, задержав дыхание и стук сердечный, через не прополотый крапивный малинник, да сама же по пояс голяком крапиве и досталась.

– Сколько раз тебе говорить? Не сиди до ночи за компьютером! Рёбра вон, как половицы хрустят! – хлестала Марфа спину внучки от всей души, как нагнала.

Ну, что с нею сделаешь? Парацельс в юбке!

А потом отпустило. Хорошо так стало. Хорошо. И боли нет. Особенно после бани. Простыни белые. Земляничкой пахнут. Волосы вольно по подушке извиваются солнечными змеями вольных ветряных лучей. Млеют. От кожи пар. Благодать. Истома. И впрямь, косточки на позвоночнике выпрямились. Вот только любовь помаячила и растворилась далеко-далеко, вернулась, наверное, туда, откуда пришла – на Млечный путь.

Может, бабуля эта все остаточки любви повыбила, что пыль придорожную с обуви.

А без любви – какая пьеса?

Антресолькою дразнили девчонку сызмальства, поскольку повадилась та не в «гулянки гулять», не в куклы играть, а лазить по чердакам да антресолям в поисках книг.

Сначала Аля перечитала всё, что в доме нашла. Потом по соседям прошлась. Библиотеку школьную и сельскую – «проглотила».

Вот ведь бывает: разум у некоторых не продвинешь ни туда, ни сюда. Дурь одна! Не выбить. Ни истребить! С Антресолькой же всё ладом складывалось. Само собою, казалось.

– Надо же, мать – Солоха, улетела в город: хвост трубой, и след простыл... а дочка путёвая! – удивлялась Марфа.

Аля как подросла, в Москву к матери сама напросилась. Новой семье не мешалась. Но матери на работе в детском саду с удовольствием помогала – все проводимые ею утренники посещала. Потом приноровилась к каждому празднику смешные сценарии в стихах сочинять, да так, что для каждого ребёнка находилась роль. И для бабы Яги, что ребятишкам, понятно, веником крапивным грозит. И для трёх поросят, пяти ёжиков, десяти зайчиков...

Летом устроилась в городском парке аниматором. И лучше Антресольки никто не делал мероприятий. И веселее её, в образе конопатого клоуна, тоже было не найти.

Работа – работой. Любовь – любовью.

Аля сколько себя помнила – влюблялась всегда. Иной раз прямо влюбится-влюбится, надолго – чуть ли не до вечера ... и думает-думает. А к утру – сценарий готов!

А иной раз влюблялась сразу в нескольких. И один – ничего. И второй. Да и третий не хуже.

Всем друзьям творчество Алькино нравилось. Хвалили.

Но очередной ухажер начал вдруг сценарий её лучший критиковать. Мол, глубины в сюжете не хватает. Что это бездарно. Зачем десять зайчиков? Где символы? Где смысл? Досталось и клоунским ролям за отсутствие прогресса и высоких целей.

Таких у Али ещё не было. Слушала она его и влюблялась. В смысле – напроць, на всю жизнь! Долго по нему вздыхала. У подъезда выжидала. Пока не укараулила с другой. Вот было горя!

Любовь ушла. А вопросы остались. Зачем появляется тот или иной герой в театральном действе, пусть маленьком? Пусть рождённым всего на день, чтобы к вечеру умереть, как бабочка-падёнка?

Убрала Аля парик рыжего клоуна. Стёрла веснушки. Начала работать над серьёзной прозой. Но издательства этим не интересовались.

К осени вернулась Аля домой. Рукописи с собой привезла. А пусть будут. Вдруг настанут дни, когда её литература понадобится так же, как любовь. Ведь нельзя же стране весь век прожить без смысла.

... Обо всем этом вольно размышлялось Алевтине в скрипучем старом бревенчатом доме, что стойко противостоял угрозам последних октябрьских ливней. Точно дробью хлётко били по глазам оконным заряды первых градин. Ух. На что-то злилась погода. Что-то закручивала-заверчивала.

– Может, чего-то хочется? – подобрела вдруг бабка. – Аль?

– Молока. Только не разбавленного. – Тут же отозвалась девушка.

А сама подумала – ЛЮБВИ!

И удивилась.

Из-за печи будто вглядывалась в её душу мудрым крапивно-зелёным взглядом бабка, держа в руках литровую банку неразбавленного парного молока.

ГАДАЛЬНЫЙ СОН

Целую смерть где-то там, в безвременье, мучительным шрамом в душе Антресольки зарастала Испания!

Чёрными кружевами решёток пеленована, Глупостью вельмож коронована, Жадностью негоциантов откормлена, Бездарностью проклята, Богами рублена на четыре энергетических субстанции... Жизнь инквизитора искала в бреду слова. И не могла соединиться.

Никогда не знающая испанского, однажды во сне Аля заговорила стройно, складно и чисто.

Марфа долго слушала. Накинула платок. Подошла ближе.

Точно.

Аля стихами говорит. Не по-нашему.

Бабка присела рядом. Смотрит. Что за диво? Что за чудеса? За плечо внучку тронула:

– Детка, ты чего?

– А? – ответила душа во сне, не выходя из блаженного рая, – ах да, ты же не понимаешь, я тебе по-русски прочту. Слушай...

«По синему небу,

По белому снегу

Скитаются ветры, не зная оков,

Заходят свободно

В огонь или в воду,

И в медные трубы,

и в чью-то любовь.

По чистому полю,

*По вольному морю
Летят мои мысли, подобно ветрам,
О счастье и горе,
О доле и боли...
О роли,
Завещанной звёздами
Нам...»*

– Сумасшедшая! Ты же спишь???! Антресолька! Проснись!

Там над Россией, над небом Евразии от толчка бабкиного расчленились бабочка, змей, мужчина и женщина, рассыпались по разным точкам планеты.

Боль...

Что же ты сделала, Марфа? Зачем? Из рая да в ад кровати бренной...

Аля поднялась. Глаза открыла. Увидела Марфу.

– Пора вставать?

– Ты только что три часа стихи по-испански читала... помнишь?

– На «мобилу» записать не могла?

– Как запишу-то? Ты же спишь!?

– Ничего не помню.

– Карты раскинуть?

– Давай.

Можно было включить свет, но Марфа зажгла свечи. Плат на стол разложила. На него – колоду раскинула.

– О! Детка. Тут все серьезней...

– Чем что?

– Чем сон...

– Что там?

– Дорога дальняя. Трефовый король. Найдёшь ...себя... вот ты... Найдёшь любовь до гроба... и потеряешь. Туз пиковый перевернутый видишь?

– Да...

– Не отпущу. Дома сиди. Больно будет. Больно. Очень больно.

– Больно будет, когда себя найду?

– Когда потеряешь...

КАФЕДРА

С тех пор, как Аля разбила зеркала любви, стало легче. В режиме ожидания проходили ночи. На пределе сил шла и работа в аспирантуре.

Научного руководителя лихорадило. Второй год аспирантка не может определиться с темой! А тут заявила:

– Я подняла Лопе Де Вега! Готова раскрыть «Символизм в творчестве Испании времён инквизиции»...

На что ей возразили, что Лопе де Вега всего прочесть невозможно, и вообще, поэтов такого уровня лучше читать в оригинале.

– Ты знаешь испанский?

– Да. То есть, нет.

– Да или нет?

– Не знаю...

– Полетишь вместо меня на Кубу! – профессор не шутил. Он возлагал на Антресольку большие надежды.

А у неё совершенно вылетело из головы, о чём предостерегала Марфа. Одна лишь мысль буравила мозг: «Мне же не в чем лететь!»

МАМА ДАЙ ДЕНЕГ

К матери идти не хотелось. На шапке и опушке липкий снег грозил возможностью переохлаждения.

Просить денег – это вообще не в стиле Антресольки. Но ситуация патовая. Кроме матери их никто не даст, особенно теперь, когда Аля «разбила все зеркала». Надо было ждать вдохновения! Вагон метро выстукивал на длинном перегоне в такт своего вагонного сердца:

*«Когда же,
Когда-же,
Когда,
Когда-же,
И нету надежды,
намёка даже,
В этом свирепо-летающем вагоне,
Что время
Потеря...*

...нное

Нагоним...»

Опять задула метель, подняла живыми лицами рой снежинок до зеркала души, найдя в молчаливых деталях города импровизированные инструменты: проёмы меж высотных зданий, арки, антенны, провода, ветви, кусты... и поплыла музыка! Не опуская градус, метель, заставляла всё кружиться белой змеей, вальсировать лентой вокруг Антресольки...

Алька, стряхнув бинты, коими как мумию успела за короткий путь окрутить пурга, попыталась ухватить вездесущие ветры рукой. А когда поняла, что ладонью связку ветров не удержать, то весёлая от собственного открытия, ворвалась туда, где её давно не ждали, с возгласом, почти воплем:

– Мама! Дай денег!

Глаза дочурки горели. Щёки алели. Она несла уверенную чушь о том, что привезёт:

– ...и кубинские сигары... и ром... И еще мне нужен...новый купальник!

А сама подумала – Любовь!...

– Зачем? – удивилась мать.

Алька захлопала ресницами, удивляясь, что мать не улавливает таких тонкостей, как произнесенное: «купальник» и произнесенное: «любовь»!!!

– Куба, это остров, – мило подчеркнул её новоиспечённый отчим.

Наверное, что-то понял...

«Ну, правильно, – подумала Алька, получив нежданно-негаданно блестящий результат. – Ведь мать характеризовала его по телефону кратко и ёмко «фараонит в ментовке». Значит, Фараон попался ясновидящий».

Ночью Альке виделся чудесный сон: будто смотрит она в голубое небо, голубизна сияет и синее и превращается в волны моря! И она восходит до этого моря!!

И она сама уже – это море!!!

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Профессор не летел по одной причине – боялся. Над Бермудами – тем паче!

Он боялся летать даже на короткие расстояния. Непременно заливал робость коньячком...

Тринадцать часов перелёта ради единственной лекции, что могла прочесть любая аспирантка – для него невыносимое испытание.

Да, он просто не долетел бы до места и умер от разрыва сердца при первой турбулентности!

Аля с воодушевлением согласилась.

Нет. Мать бы тоже ни за что не догадалась. Это он, её новый муж, как-то странно смерив падчерицу с ног до головы, посоветовал возвращаться через Мадрид, чтобы увидеть ещё одну страну. И оплатил визу и гостиницу на целую неделю после научной конференции!!!

Але по большому счету было всё равно, «Бог ли ожесточил сердце фараона», как в Библии, или «Сердце фараона ожесточило сердце бога» – она летела в Гавану, а потом на неделю в Мадрид. Всё.

Зима не желала выпускать девчонку из Москвы.

В день вылета, 26 января, Аэрофлот отменил сто тридцать рейсов из-за невысказанно сильной пурги.

Непогода неприятной неожиданностью для внутренних и международных рейсов обрушила на регион более половины месячной нормы осадков! Обильные снегопады заблокировали Шереметьево... встала МКАД, в городе не останавливаясь всю ночь работала оранжевая уборочная техника, и Антресолька, вчитываясь в информацию о Бермудах и катаклизмах пресловутого треугольника, произвольно оторвав очи от монитора, обратила внимание на необычайное свечение оттуда, где должно быть небо. Вместо него – белый-белый и ровный-ровный свет, лучась изнутри снегопада, властвовал за иллюминатором. Булькнул мобильник «штормовым предупреждением», проворчал и уставился в потолок световым табло в ожидании хоть чьей-нибудь реакции.

На всякий случай, не желая верить тревожному предчувствию, девушка набрала сайт аэропорта и убедилась, что рейс Москва-Гавана подтверждается к вылету...

Позвонила в турагентство.

– Не переживайте, – ответила трубка. – Сезон дождей на Кубе – ерунда! Часок ночью польёт обычный тёплый тропический ливень, и всё днём снова установится, как в сказке! Пальмочки. Песочек. Полная благодать!

В САМЫЙ ПИК ПУРГИ НЕБЕСНОЙ

Можно ли судить по одной снежинке обо всем бело-белом снеге? Оказывается, можно.

Она мала. Но, когда их много, этих самых снежинок, этих белых молочных капель, филигранно выращенных космическим хладом в узорные кружева, планета отдаётся силам стихии, чтобы озимые на спящих полях могли запасть млечной неразбавленной влагою жизни!

И вот уже целый фронт идёт на Москву! Целый фронт мутно-молочных капель любви небесной, примеряя кому подвенечное платье, кому саван!

В такую метель – только валенки до колена, да полшубок до бровей, а она – в пуховичке, снятом с плеча расщедрившейся маман, с розовым искусственным мехом, в синих лайковых туфельках на «тонкой подошве».

В 4 утра осторожно ступала Аля по девственному сугробу, оставляя почти кошачьи следы..., складывающиеся в строчки:

«Снова судьба в дорогу

Позовёт,

Молись – не молись,

Там, за моим порогом,

Быть может,

Ждет меня жизнь...

Там, за двумя перевалами ударит по рёбрам плоть,

Вся жизнь – лишь дорога

На гору,

с которой смеется смерть.

Вся жизнь – лишь одна страница,

Но ты меня позови,

Чтобы успел раскрыться

Зелёный

Цветок

Любви...»

За день снега набралось столько, что превратило мир в волшебство и уют. Белые тучи опустились до земли лично убедиться, едет ли она навстречу... с собою....

Ночью пурга пред нею отступила в реверансе пышнообных туч. Фонари жёлтыми глазами освещали путь. МКАД оказалась неправдоподобно пуста, бела и чиста.

В БРЮХЕ ЛЕТАЮЩЕГО СУДНА

Антресолька заняла самое неудобное место – в центре салона, зажатая со всех сторон испаноязычными попучиками, отбила СМС-ки, что взлетает...

Для начала всех попугали инструкцией пользования в «случае чего» спасательными жилетами. Но не открыли тайну: где лежат шубы. И это понятно. «Шубы в полёте до Кубы» через Ледовитый океан и Гренландию не предусматривались!

Между тем завыло. Заворчалось черноглазое нечто, тысячами ресниц седых снежинок царапая иллюминаторы, пытаясь разглядеть именно её, торопящуюся записывать в блокнот идеи нового сюжета.

А, может, ей только так казалось.

Под борт подползла гигантская машина, более напоминающая ящера, чтобы по принципу ледокола расчищать беспросветный метельный беспредел, взяла самолётик – этого большого неуклюжку как за руку, и он – бедолага – пополз послушно и медленно на своих коротеньких колёсиках, подрагивая, и как бы извиняясь, что приходится давить снежинки. Трепетал змеем-бабочкой, которому всё время мешали... крылья...

Когда же их отпустит земля...???

Вместо взлёта лётчик объявил, что борт должен пройти ещё какую-то противообледенительную обработку...

Аля вспомнила Марфу. Это она, злыдня старая, держит самолет, напуская одну напасть за другой! Нашупала в сумочке мобильник. Набрала номер:

– Ба! Уйми ты метель! Выпусти с аэропорта! Заквадратилась париться в кресле!

– За что боролась, на то и напоролась! – проворчала Марфа. – Ладно..., Бог с тобой...лети себе!... на горе! ... аминь!...

Сидящие в брюхе лайнера, всеми фибрами ощутили, как снаружи начали чем-то обдирать ледяные коросты чешуи.

Пурга приутихла, точно бабка Марфа и впрямь ослабила крученную удавку небесного вихря. Впереди показались аж 8 длииииннющих снегоочистителей со скребками впереди и с двумя кабинами спереди и сзади!

«Они, как жёлтые змеи-переростки!» – написала в блокноте Аля.

Вожделенная «взлётка» явилась неожиданно, как любовь! Январским утром она оказалась полосатою: слой асфальта – слой снега!

Юуухааа!

Включается двигатель!

Голова лайнера втискивается, наконец, в белую пургу.

Поехали!

Полетели?

В Море снега!

В Океан снега!

Во Вселенную снега!

Видимость нулевая. Самолёт идет по приборам...

В туман!

Отрывается...

Земля уже внизу... тает... блестит... переливается...

Через несколько минут, прорвав ещё один фронт – на этот раз облаков – нос запыхавшегося от усердия лайнера на ярком солнце покрывается испариной. Затуманиваются иллюминаторы.

Антресолька видит это одна, потому что люди, хлебнувшие длительного ночного ожидания, уже спят.

От беременных снегом облаков шло мощное отражение солнечного тепла. Маршрут проложен через Северный ледовитый океан. Это показалось ей надежней, чем лететь над Бермудским треугольником!

Когда Аля оторвала глаза от блокнота с почти готовым сюжетом, лайнер, подобно заполненному до отказа рейсовому автобусу, уже гудел где-то над Норвежским морем. Остались позади Финляндия, Швеция, Норвегия. Выспавшиеся соседи наблюдали по интерактивной карте, как внизу проплывали: Исландия, Гренландия, Канада, США...

Где-то над Кикик-Тарюаки, а потом над Чикаго – заколбасило. Все уж приготовились, что вот-вот кикиктюрюакнутся или как минимум чикагнутся, но ни того ни другого не случилось. Зато рассмотрели озеро Онтарио, на берегах которого когда-то давно совершались невероятные приключения известных индейцев.

О! Да! Летели над Торонто и Лос-Анджелесом, над Нью-Орлеаном и Атлантой. Мысом Дискавери. А, когда над Карибами зацепили крылом край окаянного Бермудского треугольника, так начало трясти, что стало не до шуток. Такая турбулентность Алевтине представлялась тем, что стихия буквально пытается затянуть её в какие-то неприятности.

Но лайнер уже снижался, подлетая к Гаване. Мониторы сменили космическую карту на видеотрансляцию широкого серого моря.

И вдруг картинка оживилась ярким изображением синей глубины, затем изумрудной, бирюзовой, наконец, ослепительно-голубой, как в недавно увиденном сне, а под нею – белый песок, укатанный в дюны волнами!

Полоса белой земли Кубы, поросшая зеленью, принимала, махая каждой травинкой.

ГАВАНА

Совершив над аэродромом три круга, прибывший с опозданием борт, жёстко коснувшись колёсами бетонной полосы, совершил, наконец, посадку. Надо было слышать, сколько радостной силы вложили «уважаемые пассажиры» в овации при этом.

Три часа – прибытие и регистрация в Шереметьево, два часа ожидания в лайнере, тринадцать часов полёта, паспортный контроль в Гаване – всё это бессонное, душное, тесное и проблемное выбивало из реальности даже такое стойкое выносливое существо, как Алевтина.

Пришлось отлеплять от себя верхнюю одежду.

Жесть!

Жара.

Да... сколько ж можно?

В Гаване только что прошёл дождь. Облака плотно покрывали небо.

Полученный багаж и экспонаты для конференции цеплялись за прохожих, мешая девушке сосредоточиться в поисках такси до самой дешёвой из приличных гостиниц с диким названием «Диайвиль». Ветер, заметно свежел и всё сильнее раздувал веера гигантских пальм, похожих на желтокрылые осенние мельницы.

Не успела она дойти до машины, как полил тот самый тёплый тропический ливень, что обещала турагент.

– О! Дождь! Милый дождь! Как ты прекрасен!

Выяснив с таксистом маршрут движения, она удобно устроилась в старой разбитой легковушке, у которой едва закрывались дверцы, а ручка, а ручка!!! – та вообще при контакте вывалилась из двери.

Антресолька захохотала. Это было так неожиданно. Потом она привыкла, что на Кубе машины именно такие!

Дождь хлынул обильно. Они мчались по Гаване, потом вырулили на набережную Малекон. Ливень быстро выговорился «навзрыд», что весьма характерно для тёплых тропических дождей. Вышло горячее солнце, что тоже характерно.

Наверное, остров Куба являлся ярко-выраженным холериком!!! Быстро вспыхивал. И быстро остывал. Моментально расстраивался. И сразу утешался.

По пути встречалось множество запущенных и охваченных процессом разрушения зданий. На серой набережной привлекло внимание 14-тиэтажное голубое здание облезлой гостиницы архитектуры социалистического реализма времен СССР 60 – х.

По приезду, получив расчёт, таксист тут же бросил пассажирку с багажом возле парадного входа «Диаивилья». Торжественно, несколько раз выстрелив на прощание выхлопной трубой, такси испарилось.

Ей достался 13 этаж. И номер 04. Вместе значилось так: 1304. Почему 4, Аля не задумывалась. А вот число 13 чуть-чуть встревожило.

Отворив комнату, она тотчас поняла, что такое в понятии кубинцев «винтажная мебель» недорогих гостиниц. Эта мебель, расставленная по всем этажам, эксплуатировалась никак не менее пятидесяти лет. Разложившийся поролон кресел высыпался на пол. Пружины, через полупрогнившую ткань старались вонзиться в тело. Хлипкие розетки. Сомнительной чистоты санузел. Несвежие стены и потолок, запылённый унитаз с информацией на бумажной полоске, что он стерилен. Почерневшая от времени и сырости амальгама зеркал...

Заклинившее от пыли окно долго не открывалось...

Поменять номер не приходило в голову. Зачем? Гостиница была вся такая!

Достав из чемодана одну из вещей, Аля помыла ею стены и пол, чтобы далее нормально жить в этом странном месте.

Во время душа вода намочила пол туалетной комнаты и не собиралась испаряться! Пришлось открыть и окно и форточку в ванной, которая вела в вентиляционную шахту. В номер тут же проник пахнувший океаническим бризом пряный сквознячок, а вместе с ним – удивительно-красивая экзотическая бабочка, дразня и волнуя. Несколько раз она приблизилась к самому лицу девушки, точно пытаясь поцеловать, а когда убедилась, что её заметили, тут же вылетела в окно и стала падать вниз, к набережной Малекон, где прогуливались люди, и среди прочих – незнакомец в белой короткополой шляпе...

Аля вздохнула. Ей почему-то захотелось – к нему. Просто погулять, и подышать морем. С высоты 13 этажа волны казались большими, а люди маленькими.

Тучи не покидали небо, угрожая новым дождём, заметно похолодало.

Аля достала тёплое одеяло. Закрыла форточки. Бог с ним с невысохшим полом – пусть скользит! По Малекон по-прежнему прохаживались люди, но волнение в атмосфере нарастало. Окрепший ветер превращал волны прямо-таки в водяные горы, захлёстывающие не только гранит набережной, но уже и асфальтовую дорогу и даже дома испанского типа с чёрными решётками. Судя по замшелому виду, они привыкли к таким условиям за годы отбывания на острове.

Под феерию прибоя, залпы пушек старой крепости и даже под низкий густой бас гигантского десятипалубного парохода, входящего по каналу в городскую бухту, Антресолька неумолимо засыпала!

Сердце предчувствовало неладное. Это шёл разрушительной силы торнадо...!!!

ТОРНАДО

Полярное сияние иссиня-чёрного сна извивалось гигантской лентой электрического Кецаль-Коатля размером с полземли, но что ещё величественнее – с полнеба! Сегодня он, свернув воронкой перья и положив длинный зелёный хвост на обыденный ход планетарных законов, целенаправленно полз к гостинице «Диаивилья», чтобы обрести крылья крохотной бабочки.

Губы Альки, как молитву, шептали по-испански:

«Нет! Никогда не умирает тот,

Чья жизнь прошла светло и беспорочно,

Чья память незабвенная живёт,

В сердцах людей укоренившись прочно»...

Она проснулась от сверкания множества молний у лица. Торшер не загорался. Гостиница оказалась обесточена.

«Странные люди, эти островитяне, ничего ж не видно! Зачем на ночь отключать электричество?» – подумала незадачливая путешественница.

В стекло, не как из ведра, а как из бочки непроглядная космическая чернота наотмашь внахлѣст опрокидывала воду! Стены и двери ходили в темноте ходуном.

– Та-та-та-та-та-та-та! – стучали зубы дверей винтажной мебели.

– Брень. Дзень, – лязгали туалетные форточки.

– Др-др-др-др, – клацали проѐмы окна.

– Бах-бах-бах! Бум-бум-бум! Бац! – бились двери, пытаюсь оторваться от петель и убежать по ступеням тѣмной винтовой лестницы!

Здание трясло. Предметы на тумбочке прыгали. Розовые сланцы забились в угол...

Аля решила, что началось землетрясение, подкралась босиком к окну, как сама осторожность, чтобы в случае, если напором воды разобьѣт стѣкла, отпрыгнуть обратно. Гавана освещалась лишь молниями. Горело всего три огонька – маяк, и где-то ещѣ два в крепости.

На эту темень обрушивались шквалы океана. Ошмѣтки водорослей с Саргассова моря били в еѣ окно! Вся набережная, включая широкое шоссе и пешеходные улочки, уже была затоплена беснующимися волнами!

Ни один учёный на земле сегодня не смог бы правильно рассчитать путь электрических разрядов. Молнии электрошоком будили умерший от страха остров. И удивлѣнное существо, глядящее круглыми глазами на стихию, не верило, когда волны били прямо в окно 13-го этажа! Причѣм, казалось, что сила удара была направлена вообще не с океана, а с неба!

Антресолька, успокаивая себя уверениями турагента, что тропический ливень вот такой вот, своеобразно-кубинский, через час пройдѣт, что эти ливни, по всей вероятности, бывают у них в сезон дождей частенько, открыла дверь, и попыталась выйти в коридор к общему окну.

Сильно уплотнѣнный душный тропический океанический воздух гулял по этажам обезлюдевших коридоров.

Аля, оказавшись по щиколотку в холодной воде неосвещѣнного коридора, моментально вернулась обратно в номер, плотно затворила дверь.

С каким-то восторженным ужасом восхищенно вгляделась в кружение черноты за окном. Привыкая к фантазмагории дичайшей грозы, стала различать оставляемые молниями фантомы – странные видения. Это были лица. Ничего не выражающие. Глаза африканца. Старого. Они приближались к лицу Али сквозь стѣкла, подобно экзотическим бабочкам, вглядывались равнодушно, и быстро удалялись в океан.

Вспыхивал новый фантом. Яркий и зримый испанец в кружевах конкисты. Потом появлялся какой-то индеец в ареоле из пульсирующих многомерных перьев. Креолка. Метиска... юноши... девушки. Все темнокожие...

Антресолька не знала, как это объяснить. Ей казалось: она видит не облака, не тучи, а многоликую чѣрную плотность гигантских размеров, стремительно вращающуюся воронку из лиц, ползущую от океана к суше. Чѣрный вихрь замешкался у окна 13 этажа, и отходить от наружной стены Диайвила не торопился вовсе. Но и в гости как бы не напрашивался.

Наэлектризовавшись ионами грозы, пахнущей свежими креветками, Аля просто прилегла на кровать и затворила ресницы.

Пусть.

Двери скрипели. Окна выли. Стонали. Будто бы океан с землѣю занимался сексуальными активными действиями в непрекращающемся длительном оргазме! А потом ветер нашѣптывал непонятные разуму слова давно забытых языков. Пел песни о пиратах и колонизаторах, рабах и работоторговцах, о любви, верности, предательстве и измене...

Она снова уснула и во сне шептала теперь:

... «я знаю точно, что любовь пройдѣт,

Когда сердца разъединяет море...!»

Выживший Диайвил, как летучий голландец, до утра упорно подставлял борта непрекращающемуся ветру...

А все теле- и радио- каналы мира уже взахлѣб обсуждали подробности о том, что 27 января вечером, примерно в 21:00 с юго-востока Мексиканского залива на территорию Кубы обрушился разрушительный торнадо со скоростью ветра свыше 100 км/ч. Более 200 человек погибших и пострадавших. От «атмосферного феномена чрезвычайной интенсивности» разрушены восточные районы

столицы. Торнадо загронул более полутора тысяч зданий, многие из которых полностью разрушены. Гавана обесточена, а районы, вдоль береговой линии, затоплены. Ураганная воронка вырывала с корнем пальмы, линии электропередач, разбрасывала, как игрушки, автомобили и металлические конструкции. Груды обломков перекрыли транспортные артерии. С крыш сорваны кровли и стропила, выбиты окна...

Когда утром она отправилась на регистрацию в зал конференции, то увидела следы разрушений с выбитыми окнами и выкорчеванными стихией деревьями...!!!

ВСТРЕЧА, КАК ИСКУПЛЕНИЕ

За рулём такси оказался молодой человек лет двадцати пяти в шортах и обтянутой выцветшей футболке. Полноватый. Шустрый. С серьгой в ухе. И странной причёской типа «под хвостом у свлявшейся персидской кошки».

Он проворно отворил дверцу в хлам разбитой советской «копейки».

Алевтина плюхнулась в провалившееся с годами сидение, спинка откинулась резко назад, скрипнув одновременно с произвольным визгом пассажирки.

Надо полагать, молодой человек либо влюбился в неё с первого взгляда, как и все остальные кубинцы, встречавшиеся на пути, либо такая манера знакомства обычна у островитян.

Лихо вырулив на залитую водой набережную, он тут же принялся делать комплименты. Поняв, что девчонка «ни бельмеса на испаньёл», стал изъясняться общепринятыми на Кубе жестами. Обвел пальцем вокруг своего лица, и показал знак супер! Потом – на свои глаза и на её, что они тоже супер.

Понятно.

Следующий жест у кубинских мужчин – вопрос: есть ли на эту ночь партнёр, и – жест трущихся друг о друга указательных пальцев.

Аля ошалела от такого проявления «кубинской свободы», сделала вид, что не поняла. Но парень был из тех, «кого в дверь, они – в окно!» Он настойчиво задал свой вопрос пять раз разными жестами, при этом снабдив убедительную речь и немецким «ихлибедир» и английским «айлавью».

Девчонка ударила деланно себя по лбу – ну да, конечно! Конечно же, есть тот, кто с нею вот так палец о палец трётся каждую ночь!

Процесс установления связи завершился разочарованным прерывистым вздохом обломавшегося мачо.

Эти динамичные минуты общения сопровождались постоянным заваливанием сидения назад. Водитель его тут же восстанавливал. Но Аля, не дожидаясь новых испытаний, крепко закогдилась пальчиками за ручку двери, чтобы больше не опрокидываться.

Проржавевшая техника, рассекая волны, подобно катеру, упорно перемещалась по набережной. Через незакрывающиеся окна внутрь салона заливались высокие волны, обдавая с головы до ног.

Но в борьбе с водной стихией у отслужившего своё «жигуля» шансов почти не было. После очередной волны двигатель заглох и напрочь отказывался возобновлять работу.

Водитель, поняв, что не в состоянии завести агрегат, выбрался из машины, взялся поудобнее и покатил её вручную...

Мимо проплыли две-три более удачливые машины, не желая помогать собрату.

Вокруг, насколько охватывал взгляд, разливалось «полноводное море набережной Малекон».

Девушка, боясь, что может опоздать на регистрацию, сняла обувь и вышла вслед за водителем.

– О! Ноу, сеньёра! Ноу! – взмолился тот, покрывшись липким потом жадности, боясь потерять обещанные 25 кук...

Не обращая внимания на его «ноу, сеньора», девушка отправила его жестом за руль, и пристроилась толкать «копеечку». А, когда увидела в зеркало перепачканное личико, шляпу, сползшую на бок, неухоженные волосы, голубенькую юбку, что не жалко выбросить после наводнения, и особенно босые ноги, то громко захохотала!

Веселье прервало прикосновение загорелой руки. Справа уверенно, как будто делает это всю жизнь, пристроился толкать «заболевший» автомобиль улыбающийся мужчина, давая какие-то команды водителю.

Машинёшка завелась не сразу, покапризничала, да кто ж ей станет потакать?!!!

Мокрая, а теперь уже и грязная, с достоинством герцогини Австрийской, Аля искоса поглядывала на незнакомца в бумажной шляпе, чёрной рубашке и светлых парадных брюках, который так же беззастенчиво и бесцеремонно глядел на неё в упор, не скрывая искрящегося блеска смеющихся глаз.

– Грасиас, – поклонилась девушка.

– Порфаор, – поклонился тот учтиво, и направился к собственному оставленному такси, бороздя шлёпанцами лужу, как будто это были не дешёвые вьетнамки, а натёртые до блеска шузы члена английского парламента.

Спортивный и правильно сложенный, он легко перепрыгнул поток. Изящным жестом поднял руку, чтобы взглянуть на часы – не опаздывает ли. Аля ещё раз обратила внимание на шоколадный загар этой красивой руки. Светлые его брюки тоже намокли. Талию обхватывал строгий ремешок.

– Вот это мужчина! – восхищенно вырвалось у Али вслед. Наверное, слишком громко.

– Вы говорите по-русски? – он моментально среагировал, и тем же порядком через водную преграду вернулся на прежнюю точку.

Алька даже ухмыльнулась, как это он так быстро прыгнул! Как обезьяна!

– Спасибо, что не оставили нас в луже! – поклонилась снова, но уже не опуская глаз. – Вы местный?

– Нет. Вчера только был у Мексиканского залива.

– Какими судьбами в Гаване?

– Конференция.

– И вы?

– И вы?

Оба засмеялись.

На что таксисты, не сговариваясь, загудели.

– Встретимся на регистрации, – помахала Аля.

– Предлагаю все-таки воспользоваться моей машиной.

– Нет, мне мой «жигулёнок» симпатичней.

– Сантьяго! Меня зовут Санти! – крикнул в след мексиканец.

– Алевтина. Аля!...

Обе машины одна за другой покатили по Старой Гаване искать Дом Конвенций.

Мокрого и взъерошенного водителя девчонке стало как-то сразу жалко. Она достала из сумочки московскую шоколадку «Россия. Щедрая душа» с символом своей страны на яркой обёртке, коих навезла на Кубу полчемодана именно для таких случаев.

Парень невероятно радостно принял дар. Тут же оторвал край упаковки, отломил кусочек грязными своими толстыми пальцами, и попытался этот фрагмент засунуть ей в рот.

Девушка увернулась, хоть и была голодна, но «не из рук же» в самом деле!!!

Водитель быстро расправился с шоколадом, а фантик пустил по ветру!

– Ого! – ахнула Антресолька..., удивившись количеству мусора в канавах Гаваны.

Более чем шоколадка, парня порадовали 25 кук.

Ещё бы. Здесь они приравнивались к евро. Если учесть, что заработная плата кубинцев в месяц в среднем 12-15 кук – он совсем не в проигрыше за этот вояж!

Ретро-мобили – своеобразная визитная карточка Кубы. Сюда везут технику шестидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия. Местные умельцы содержат их в рабочем состоянии. Перекрашивают авто обычно в разные яркие краски. Используют, как могут. Железо исправно работает. Но внутренний интерьер, как правило, изношен полностью. Кресла и обивка в ужасном состоянии.

Кроме автомобилей можно встретить велосипедных рикш и мотоциклетных рикш. Те и другие делают самодельные приспособления из спинок железных кроватей, приваривают какие-то кузовки и прочее.

Всё это сильно напоминало Але «Остров погибших кораблей» – приключенческий роман Александра Беляева, популярный в своё время за исключительную фактуру о Саргассовом море с множеством давно-давно затонувших кораблей.

Куба сегодня казалась Але таким же вот островом погибшей техники с одной только разницей, что машины здесь до сих пор каким-то чудом эксплуатируются!

Свежие ветра, приносящие чистые океанические воздушные массы практически со всех сторон, компенсируют вред от выхлопных газов устаревшей техники.

Потеряв минут пятнадцать, Аля осматривалась по кругу в поисках Сантьяго, пытаясь сообразить, где и как зарегистрироваться.

Взъерошенная и лохматая, в розовых резиновых пляжных шлёпанцах, она и зашла в зал регистраций, заполненный солидными учёными. Профессора и доктора наук съезжались сюда со всех стран. Предупредительно и любезно относились друг к другу, пропускали вперёд очереди дам.

Аля почувствовала некое вакуумное истощение сил, когда ещё утром без воды и света в гостинице «Диаивиль» взглянула в зеркало. Да, собственно, ничего не изменилось. Только волосы как-то странно побелели. Как будто бы «за Ночь с Торнадо» она почти полностью отдала их природный ресурс русого цвета местной пиратской Ведьме. Как будто она перевернула песочные часы Времени в Необратимом процессе. Два дня сумасшедшей дороги от заснеженной Москвы, с обледеневшим бортом и всей уборочной техникой, на которую способна столица, до экзотической Гаваны с ночной тряской на 13 этаже «Дьявольского Диаивилия» и океаническими волнами на набережной вокруг обездвиженных «Жигулей». Наконец – энергетически подавляющая очередь из сплошь испаноязычных людей, которые её не понимают, и не хотят понять!

– *«Природу трудно изменить,
Но жизнь изменчива, как море.
Сегодня – радость, завтра – горе,
И то и дело рвётся нить...»*

Это сработало, как молитва.

Аля услышала понятные слова за своей спиной:

– Ах, вот Вы где. А я Вас ищу! – вложил в них Санти столько чувственности, точно искал её всю жизнь, и наконец, нашёл.

– А я – Вас! – обрадовалась она.

И так хорошо выдохнула, точно с тем вышла вся-вся печаль, что была до этой вот минуты. Точно она тоже искала, искала, искала. И было так, что, вроде, искала не его. А на самом деле, его, конечно. Его. Идеального улыбающегося и радующегося ей.

Она подумала, что Бог послал ангела с неба! Наверное, так и было, потому что учёный из Мексики, по какой-то счастливой случайности знающий русский язык, потому что учился в России, тоже приехал сюда, чтобы зарегистрироваться.

Они стали делиться мыслями о том, что ночью была сильная гроза, что у каждого в гостинице отрубили свет. О том, что совсем рядом прошёл разрушительной силы Торнадо, периодичность которого в этих местах 1 раз в 40 лет!!! И что кофе в кафе оказалось ужасным. И что отключалась вода. И что неудобно добираться из гостиницы до зала Конвенций...

– В какой гостинице вы остановились?

– Диаивиль!

– Диаивиль? – её глаза максимально округлились от удивления, – Не может быть!!! На каком этаже?

– На третьем!

Откуда-то появилась мысль: значит, он живёт третью жизнь, а она на десять жизней старше...

Тут очередь тронулась, и они быстро зарегистрировались. Обменялись визитками.

– Моя тема, – лепетала Аля без умолку, – «Символизм в творчестве Испании времён инквизиции».

– А я заканчиваю докторскую по «Философии Лопе де Вега».

– Не может быть!!! – Аля удивлялась совпадениям, спросила: – Может, Вы после конференции в Мадрид на неделю полетите?

– Может, и полечу...

Но молодой человек лукавил.

Поговорили о своих докладах. Выяснили временное место на линейке залов. Ознакомились с расписанием.

Сантьяго с его знанием испанского, то есть, русского – оказал ей услуги не только переводчика, но и гениального коммуникатора – такси обходились уже не в 25 кук, а в 15; они делили оплаты транспорта на двоих, потом на троих, на четверых-пятерых, когда компания увеличилась...

Когда друзья оказались в Диайвиле, свет уже дали.

О! Счастье! Аля могла принять душ! Могла погладить платье! Уложить плойкой волосы!!! Спуститься с 13 этажа не по мокрым залитым водою опасным скользким ступеням, а на лифте!!!

Он уже ждал внизу, а когда увидел, невольно перекрестился – так неожиданно хороша показалась ему юная леди.

Вместе поднявшись к киоску второго этажа, где туристов привлекали агентства путешествий, он любезно согласился охранять её сумочку, пока девушка осматривала полки с сувенирами, незаметно отворил замочек. Извлёк и изучил авиабилеты до Испании. Пролистал СМС ленту в телефоне... И положил обратно.

В сопровождении испаноязычного мужчины Аля могла насладиться Старой и Новой Гаваной. Сделать потрясающие снимки.

Она ещё не осознавала, что Сантьяго станет не просто знакомым, но учителем. Ни сервантесским Дон-Кихотом. Ни пушкинским Дон-Жуаном. А почти кастанедовским Дон Хуаном.

Как-то на прогулке, испытывая искреннюю неловкость от того, что вынужден заняться личными делами, Санти просто убил её откровением:

– Простите, но мне надо обязательно зайти в книжный...!

Антресолька была поражена. Ведь именно книжные – а никакие другие магазины привлекали её всегда. Её библиотека пополнялась со всех уголков, и это самое ценное и самое тяжёлое, что она везла отовсюду!

И вот она встретила человека, который тоже стремился посетить книжный! Девушка стала осознавать, что их общение это Милость Божья!

Не удивительно, что их доклады на секциях оказались наиболее интересными, информативными и талантливыми.

С ним легко рассуждалось о проблеме местной веры Сантерии, о ритуалах индейцев, кубинских аборигенах таенах, о людоедах карибах. О колонизаторах и работорговцах. Об особенностях строев балконов и решёток под-испань. О пиратах. О Бермудском треугольнике. О запасе пресной воды в Латинской Америке и на Байкале. О Китае. О храмах на Кубе. О судьбе Че. О Фиделе Кастро. О Мексике. О Москве. О том, что Новый Свет дал Старому Свету и наоборот. О кукурузе и пшенице. О подсолнечном масле. О социализме и капитализме. О положительных и отрицательных сторонах открытия Америки Колумбом. О стране басков. О будущем Земли... Всё это происходило легко и ненавязчиво. Как бы между делом. Как бы между снимками, что делали они на заседаниях, на экскурсиях, в кафешках и на симпозиумах, на прогулках по набережной Малекон под аккомпанемент волн и местных уличных музыкантов.

– Наша встреча похожа на искупление грехов, – призналась Аля.

– Я не верю в эти фантазии, – ответил Санти. – Я понимаю, очень мало прошло времени, но...

– Нет, – произнесла машинально Аля, как реагировала всегда на слишком быстрые предложения.

– И это правильно, – опустил взгляд Сантьяго, его сердце застучало так сильно, что потеснило воздух во всем «Диайвиле», придавив Алю к стене! – Это правильно, я не хотел пугать тебя. Прости.

Душа заболела, потому что созрела до понимания. Прогнулись перекрытия переполненной книгами полки душевной. И корешки этих книг, как прутья камеры заключённого, врезались в бока! Тесно! Гулко! Воздуха бы в помощь! Бога! Свободы!

Алька и сама однажды испытывала подобное.

– Боюсь тебя испугать, потому что... стихи во сне читать иногда начинаю..., – добавил Санти.

– Что же ты читаешь?

– Лопе де Вега...

– Что???

– «Собаку на сене»... а, когда просыпаюсь, не помню ни строчки.

На миг Але показалось, что Санти шпион... Ну, не может же быть так много совпадений! Да. Пусть совпала гостиница. Конференция. Знание русского языка. Но ведь и она – она тоже во сне читала стихи по-испански. И не факт, что это не Лопе де Вега! А темы диссертаций???

Аля напряглась и стала вспоминать, не говорила ли баба Марфа о ночных странностях Антресольки кому-либо. Нет. Такого не было... Что же тогда?

КОНФЕРЕНЦИЯ

Конференция для Алевтины и Сантьяго постепенно приобрела вид грандиозный, поскольку складывалась из тысячи личностей, а также фрагментов их озвученных осознанных мыслей, к которым, возможно, шли они в течении жизни. День за днём, как в химическом проявителе становилось яснее и яснее наиболее продвинутое и передовое – научный срез достижений человечества во всём его планетарном масштабе.

Конференция развернулась широко по различным секциям и специализированным залам.

В первую очередь обсуждались проблемы, волнующие ту или другую страну. В большей части – страны Карибского бассейна.

Политические залы, куда, как магнитом, затягивало Санти, Аля старалась не посещать. На них – одни лозунги о свободе, где через каждое слово звучало «Либерасьон», «Хосе Марти» «Че Гевара», «Браво, Фидель» и «Вива, Куба!» Они не нуждались в переводе, и повторяли друг друга, как опята на пне, не смотря на то, что произносились разными людьми.

Темы же по секциям обсуждались самые разные, освещая насущные и надсущие проблемы.

Интеллектуальный потенциал мировой науки демонстрировал личное участие через частное, объединяясь в социо-проблемы Земли.

Разноликие люди, представители всех рас пытались найти общий язык. Сегодня им стал не эсперанто. А духовный язык. Сегодня им стал испанский. С него – с испанского многоязыко транслировались в тысячи наушников на всех языках знания, достижения, проблемы.

Символизм – культура Земли – корреспондировали лучами со Свободной Кубы достижения человечества. Тысячи полезных документов закладывались в общий электронный диск.

Алевтина представила не только доклад научного руководителя, но и свой. Санти стал её папа-раци. Она – его.

Трудно было представить, сколько разведчиков и разведок разных стран вынуждены были на удалённом доступе с разных материков, прослушивая конференцию с помощью тысячи «жучков», обновлять знания «испаньол»!!! Пусть слушают. Пусть докладывают начальству. Пусть те воруют эти общечеловеческие мысли! Пусть ставят на эти общечеловеческие ценности свои копирайтеры, менеджеры, секретари, юристы-адвокаты-барыги всех видов и мастей! Учёным и истинно творческим личностям, к которым Антресолька, конечно же, себя причисляла, не нужны в конечном итоге деньги. Главное – чтобы работала эта самая мысль! Чтобы она запускала генератор нового витка цивилизации!

Это всё здесь и сейчас было так важно. Когда голос был звучен, когда вибрации бьющихся сердец воспринимались так рядом. Когда карие глаза с интересом вглядывались в глаза синие...

Аля и Санти стали неразлучны. Не размыкая душ, постоянно находились вместе, обсуждая всё живо и по-юношески светло.

Оба ловили себя на мысли, что считывая чувства другого, угадывают желания.

– Встань с той группой, я тебя сфотографирую, – быстро приказывал Сантьяго.

– Как ты догадался?... – спрашивала она потом...

Или угадывала она:

– Я захватила для тебя пару бутербродов.

– Я только хотел попросить об этом...

Такие вещи случались постоянно.

– В испанском существует, после исторического сближения наших культур в Латинской Америке с местными индейскими племенами, понятие SENTI-PENSAR! Это, когда люди отключают функции слов, а взаимодействуют только при помощи духа.

– Когда мысли и чувства – это одно и то же?

– Да!

Укладывая чемодан в такси, на прощание Аля вложила в руку Санти стихи:

SENTI-PENSAR

Обозначаются чувства, как SENTI.

Думы включают понятие PENSAR.

В чувствах и думах за счастье в ответе

Свет равновесия senti-pensar.

*Пламя воды лёд сканирует чутко,
Думает тоже, что чувствует пар.
Встретит планета наш выдох короткий
В общем дыхании sentipensar...
Будут меж нами границы, заборы,
Время потерь, расставаний кошмар.
Но отразится так старо...
Так Ново
Sentipensar в амальгаме зеркал.*

Понятие Sentipensar, которое вполне доступно объяснил ей Санти, стало самым главным открытием Кубы.

- Напиши мне, – скупой поставила точку Аля.
  - Непременно, – хитро превратил её в многоточие Санти.
  - Разве ты рад, что я улетаю?
  - Конечно, рад. Ты ведь улетаешь в Мадрид?
  - Да. В Мадрид.
  - Прости, пока ты выбирала сувениры, я просмотрел СМС в твоём мобильнике. У тебя очень богатая личная жизнь. Столько кавалеров.
  - Это разбитые зеркала.
  - Все?
  - Кроме одного. – Она показала мобильный телефон с его номером.
  - Хорошо, – сказал Санти.
- И просто пошёл прочь.

САМОЛЕТ ГАВАНА-МАДРИД

Девушку с момента, как Санти оторвал от неё свой взор, давило чувство невыносимого одиночества.

Расстроенная грустными мыслями, поднялась по трапу.

Попыталась поднять сумку на багажную полку и вдруг ощутила удивительную лёгкость, точно кто-то помогает сзади...

– Санти!!! Как ты здесь оказался?

Сердце забилось. Душа замерла. Почти мёртвая, запросила воздуха у Бога! И Свободы от себя самой!

– Лечу с тобой в Мадрид! Я и билеты зарегистрировал вместе. Ты не заметила...

– Что ты наделал?! – обняла его девушка со всей силы, на которую была способна, впервые не скрывая, что происходит с нею. – Ты сумасшедший! Нам будет потом больно! Больно расставаться! Ангел! Мой!

– Я люблю тебя!

Весь полёт над океаном она не отрывала взгляда от своего возлюбленного божества. То обвивала руками шею, то целовала загорелые руки. Пальцы. Ладони. Линии жизни. Запястья. Вдыхала медовую солёную ваниль локтевых изгибов. Гладила волосы. Шептала ласковые слова в самое ушко. Прикасалась нежно головою к груди снова и снова, слушая звонкое второе сердце, колышущее рубашку. И не припоминала, чтобы когда-то слышала музыку слаще этой! Ненасытными жадными глазами она старалась налюбоваться линией губ, разрезом красивых глаз, точёным носиком и подбородком, блеском зубов, вдруг оказавшихся так рядом! Гладила брови.

Уже через час после взлёта закрыли иллюминаторы, и утомлённый людьми салон заснул. Только они наслаждались отражением друг в друге. Только они перешёптывались, изучая ощущения прикосновений к одежде и волосам, запоминая эти новые ощущения. Только они пытались понять, за чем явил себя в их встрече счастливый случай, зовущийся Богом Любви.

Зная, что ещё долго лететь, и бесполезно сдерживать притяжение, они касались друг друга губами, растворяясь от нахлынувшего блаженства. И вновь ныряли взглядами в глубину очей.

– Я чувствую твое сердце, – шептал Санти. – Оно любит!

– ...меня никогда ещё никто не любил, – отзывалась эхом Аля.

– ...ты околдовала меня с первого взгляда...

– ...ты околдовал!

– ...ты самое красивое существо во вселенной...

– ... самое красивое существо...

Падая в воздушную яму и выныривая, лайнер бережно нёс над океаном два влюбленных сердца.

– Сколько дней ты будешь в Мадриде? – спросила тревожно Аля.

– ...с работы отпустили на пять суток. Пять дней! Пять!

– А я семь!

– Знаю.

– Как же я тебя отпущу?

Аля принялась с новой силой целовать его, точно расставаться предстояло вот прямо сейчас,

прямо здесь. Он закрыл глаза.

– Я боюсь, ты устанешь меня целовать.

– Никогда.

– Я боюсь, ты однажды разлюбишь.

– Никогда!

– Мне казалось – я такой несовершенный. Не достоин любви.

– Мне тоже казалось, что я ...

– Ты многих любила?

– Не помню. Ты стёр всех, кто был до тебя. Их больше нет. Есть ты.

– И ты.

– ...когда я тебя полюбил...

– ...мы полюбили...

– ...да, когда мы... это так странно звучит... всегда я был один...

– ...и я одна...

– ...когда мы полюбили, мир стал другим...

– ...он всегда был таким, просто мы не могли его видеть...

– ...почему?

– ...потому что мы родились, лишь когда встретились.

– ...друг для друга?

– ...я так счастлива!

– ...я счастлив!..

– ...почему ты за мною повторяешь?

– ...потому что я... потому что... мы чувствуем одинаково...

– ... мы... это звучит так...

– ...так...

– ...как?

– ...Нежно!

– ...не боишься, что я тебя замучаю?

– ...я тебя замучаю!

– ...обещала...

– ...обещал!

– ...а сейчас учусь у тебя...

– ...чему?

– ...ты так ласкова...цветок подснежника. Я не встречал таких женщин.

– ...боюсь, ты скажешь, что у тебя жена и двое детей.

– На самом деле, жён было больше.

– Да? Вот это новость.

– Ты не спрашивала.

– И ты летишь за мной в Мадрид???

– ...ты колдунья, Алевтина!

– ...ты волшебник, Сантьяго!

- ...тиииихо, не шуми... отпущу теперь, только если запросишь пощады!
- ...а торнадо помнишь? Оно пришло с юго-восточной части Мексиканского залива...
- ...я там живу...
- ...то есть, ты принёс торнадо?
- ...ветер любви, – улыбнулся Санти.

ИСПАНИЯ

Мгновение пролетело? Час? Три? Четыре?

Принесли обед. И вина.

Они заказали ещё. И уснули.

Они не знали. Но оба шептали во сне по-испански одно и то же:

«...Любовью оскорбить нельзя,

Кто б ни был тот, кто грезит счастьем;

Нас оскорбляют безучастьем...»

Вдруг что-то тормознуло – они же в самолете! И уже летят над Испанией! Боже мой!

Красно-бордовая земля. Родная...!!!

На вершинах бирюзовых гор – белый снег! Это Пиренеи? Где-то внизу граница Испании и Франции. Страна басков.

Это Пиренеи!

А дальше – пустые поля выжженного Арагона! Серые горы. Красные горы. Жёлтые горы. Корасон! Сердце Испании! Белые высушенные старицы рек. Редкие населённые пункты. Оливковые сады, похожие на небрежно накинутые леопардовые пятнистые шкуры на плечи хребтов.

Сквозь круглые иллюминаторы уверенно обдало жаром испанского солнца. Ого! Печёт без шуток!

Сели плавно, точно плашмя намазали масло на бурый каравай земли. Спасибо пилоту! Доставил в целости и сохранности двух влюбленных в испанскую песню!

ЛОПЕ И ВЕГА

Первая белая простынь, как белый холст, зеркалом «без прикрас» явил долгожданно-желанное отражение друг друга.

Перед глазами Антресольки пробежала лента случайных бесформенных отроков... мужчин... состарившихся так и не повзрослевших мальчиков. Осколков невозврата. Ничего достойное Санти она не припоминала, даже включив дополнительные объёмы интернет-памяти – чтобы так на белом полотне выглядело божественно и утонченно.

Санти, как и она пытался ноздрями вдохнуть больше воздуха, чтобы нейтрализовать первое волнение. Он возлежал подобно римскому патрицию на сугробах испанских длинных подушек, не отрывая глаз от увиденного, как от той самой точки возврата к себе самому, настоящему, невыдуманному, не такому, каким должен быть по семейному долгу или по долгу службы, по общественному или социальному признаку, а в начале пути, что потом останется землёю в ладанке на благословение и оберег.

– Ты прекрасна!

– Прекрасен ты!!! Нельзя же так быстро и откровенно читать мысли женщин!

– Женщин нет. Ты их стёрла. Они – разбитые зеркала... есть ты. Единственная во вселенной.

Он попытался встать.

– Лежи. Пожалуйста. Не шевелись.

– .. моя богиня...

Аля старалась запомнить всё до мелочей. Дар божий, что живыми линиями на холсте художника – день-два и исчезнет. Как сон.... Как вожделенная кружка кофе на беломраморном столе.

– ...жрица любви...

Она понимала, что тысячи тысяч людей наслаждаются друг другом, а «счастье выразить счастье»

выпало только ей. Пусть пройдёт много лет. Она, когда научится пользоваться даром слова, снова найдёт в эти блаженные воспоминания. А сейчас – работает мозг! Работает сердце! Работают чувства. Река времён сорвала плотину. Синими чернилами выливаясь в будущие строки. А исток лежал пред нею загадкою Сфинкса.

– ...красивый шоколадный загар, – шептал он, заклинателем змей, не отводя взгляда от её гладкого тела.

– ...у тебя... у Зевса... Аполлона... Боги резали с любовью эти линии... Святые... Санти... боги... это невероятно красиво..., – вторила Алька, проводя снова и снова ладонями по стройным мускулистым ногам, по плечам и рукам, пружинисто напрягшимся.

– ...помню, обещала замучить... тебе можно.

– ... терпи, мне надо вспомнить тебя... вспомнить себя... запомнить тебя... запомнить себя такую... таких.

– ... невероятно... – прошептал он ещё тише.... – о, Боже!...

Потом они говорили молча. Потому что мысли и чувства их совпадали, как вдруг подошедшие половины кривого, разорванного, выдранного с мясом и кровью, с острой стародавней болью, приглушенной столетиями других чувств,... извилистого недостающего пазла.

Как река течёт по другой реке, облака по облакам, или нет, как кровь смешивается в любом организме венозная с кровью артериальной, голубая с красной, так сейчас взгляд плыл по взгляду.

– ...твои пальцы... они самые красивые в мире!

– ...твои!

Она прикоснулась губами к стопам ног:

– Боже мой, какие ноги... какие руки... сияние... Ты видишь его?... ангел...

– ...я демон...

– ...человек...

– ...змей...

– ...бабочка...!

Вся её ненастоящая жизнь, переболевшая разочарованием одиночества среди многообразия тех, кто не являлся достойным..., пройденная на дешёвых сценах понарошку, среди трёх поросят и десяти зайчиков, – пришла в негодность, как выношенная бумажная шляпа.

Знаниями профессионального терапевта-психолога, Санти здесь и сейчас вылечивал силою и красотой души своей Альку тем лишь одним, что просто позволял целовать свои пальцы.

– ...целую ваши ноги..., – повторяла она устами героя пьесы Лопе де Вега, – ...целую ваши ноги!

И он вторил на испанском...

С ним, с Сантьяго, с великим маэстро материализации сокровенных мыслей, зазвучали все ноты мощного органа души. Обеих душ. Потому что играть на половине органа – всё равно, что полглотка молока пригубить, а другие полглотка разбавить. И не водою, – нет – крепким вином, прогорающим в огне пустой никчёмной жизни!

По мере того, как душа женщины в предвидении долгой засухи одиночества набирала впрок во все ёмкости живительную влагу всепоглощающего чувства, колодец избавлялся от грязной тёмной воды, заполнялся молоком жизни, чистейшим нектаром любви, одновременно возвеличивая самооценку мужчины, захлебывающегося все прожитые до неё годы от комплексов, неуверенности, упрёков, требований, промахов, и проигранных сражений. Ответную партию в унисон выдала его душа. От густых басовых труб. От мягкого бархата баритонов. Из центрального солнечного сплетения божественной тональности До. До высоких и самых высоких ангельских До третьей октавы. И выше тончайших высочайших камертонов, совершенно не похожих на стон, а скорее на восхищенные восторги небес... До!

А так...

Они заняли крошечный чистенький номер с неправдоподобно-высокими потолками в гостинице Едрейра на улице Аточе. Почти не ели. Почти не спали. Предавались самозабвенно любви. Не чувствуя усталости. И насыщения. Заминали белоснежные крахмальные простыни. Принимали вместе душ. Любовались друг другом. Немного гуляли, изучая столицу Испании по картам, путеводителям и туристическим маршрутам.

Сантьяго любил сангрию со льдом. Алевтина постоянно заказывала апельсиновый фреш. Проще, чтобы прямо с дерева, и чтобы безо льда. Чтобы тепло солнца попадало в бокал. И выпивала это сладкое испанское солнце, пополам с апельсиновым соком!

Их разговоры вращались вокруг Лопе де Вега. И неудивительно, ведь темы диссертаций были напрямую связаны с великим поэтом.

Она вслух декламировала на улицах отрывки пьес и сонетов в русском варианте. Он вторил на испанском. Оба отдавали себе отчет, что идут по священным следам и, дополняя друг друга, представляли, что раньше чувствовал Лопе де Вега.

Феликс (солнечный!!!) Лóпе де Вéга (исп. Lope de Vega) носил, как все испанцы, более длинное имя – Félix Lope de Vega у Carpio – Фéликс Лóпе де Вéга и Кáрпио...

Он родился здесь. Под этим небом почти половину тысячелетия назад, 25 ноября 1562, и умер там же в Мадриде 27 августа 1635 года.

Без труда прямо на улице Аточе они обнаружили мемориальную табличку на церковной стене. Потоптались, поглядывая друг на друга. Пожали плечами, пока Санти негодуяюще не озвучил общую мысль:

– Представляешь! Испанский драматург! Поэт и прозаик! Выдающийся представитель Золотого века Испании! Автор около 2000 пьес, из которых 426 дошли до наших дней, и около 3000 сонетов! А на церкви, где покоится прах, вот эта табличка! Всё!

Не размыкая рук, они вышли на площадь Пуэрта-дель-Соль (Ворота Солнца), которая во все века служила нулевой точкой для отсчёта дорожных расстояний Испании.

– А вот и площадь Феликса! То есть солнца! Мы должны здесь поцеловаться! – заключил её в объятия Сантьяго. – Это главная площадь! Значит, либо он назван в честь солнца...

– Либо солнце в честь него???

– Ха-ха-ха!

– А почему тогда главной считается Пласа-Майор?

– Там есть волшебные часы! На Новый год они отбивают после 4 ударов (по 4 стихиям и частям света) ещё 12 раз. В это время жители съедают заранее очищенные от кожуры и косточек 12 виноградин, и после каждого удара загадывают желание.

– А что потом?

– Потом выкуривают сигару и пускаются во все грехи, а именно – раскупоривают «Каву» и гуляют до утра!

– Пьют Шампанское, и гуляют как мы? Здорово! Лопе тоже так делал?

– Возможно... Представляешь, мы сейчас в самом центре круга Испании, Испанского мира, и можно загадывать любые желания и признаваться в самых сокровенных мыслях.

– Разве сейчас Новый год? – засмеялась Аля.

– Сейчас новая жизнь! Новый свет. Новое солнце. Новое счастье... И нам надо, наверное... получить ответ на самый трудный вопрос, – серьёзно сказал Санти.

– Единственная мысль... ты знаешь её, – прижала голову к мужской груди женщина, вслушиваясь в удары сердца, как в свои.

– Знаю.

– Да. Я иногда... во сне...

– Ты говоришь по-испански стихами Лопе де Вега...

– Ты тоже...

– ...мы говорим...

– ...мы говорим...

– Ты слышал о феномене с названием «стигматы»?

– Кровоточащие раны, открывающиеся на теле отдельных католических подвижников?

– Да, под влиянием религиозной экзальтации...

– Это не то...

– Да. Это совсем не то. Я говорила во сне, когда ещё не умела читать... Я была Лопе? Там. Давно. В прошлой жизни? Скажи. Скажи мне это здесь, на площади Пуэрта-дель-Соль. У Ворот Солнца!

– Или я им был?

– ...мы?

– ... мы были Лопе де Вега?

– Почему ты говоришь это шепотом?

– Боюсь спугнуть вечность...

– Смотри, – оторвался Санти, – отсюда идут лучи нулевого километра по всей Испании. Один из лучей – старая улица, точнее пожилая: по-испански – Майор.

– Майор это старый?

– Ну, да. Мы же старые с тобой. Нам пять сотен лет! Если, как мы думаем, мы оба были Лопе...

– Перестань смеяться. Я не шучу!

– Постой... постой же, я тоже не шутил.

– Хорошо, – печально улыбнулась Аля, – хорошо, майор! Потом поговорим...

– Во всех городах Испании, с колониальными поселениями в Америке, – он сделал вид, что не волнуется, – есть центральные квадратные площади с подобным названием Плаза Майор. На них ранее совершались значительные события. Казни. Коронования. Бои быков. И прочие публичные действия. Единственный город, где Плаза (Пласа мы произносим так) Майор в Испании круглая – город Чин Чен. Видишь, здесь надпись: «До начала XVIII века конная коррида в Мадриде проводилась на Пласа-Майор в присутствии короля. После формирования традиций современной пешей корриды в XVIII веке главная арена находилась в районе ворот Алькала».

– Стой! Значит здесь, на этой площади он казнил францисканца? Он же был... он же инквизиция...

– ...или францисканку... Здесь проливалась кровь не без участия Лопе...

Куда бы не двинулись они в эти дни, в городе солнца везде их поджидали жаркие объятия светила. Открытия. Загадки. Размышления.

Здания были выстроены так, чтобы прятаться от жары и зноя. Зато внутренние дворики освежали прохладой. Тенистые деревья умудрялись не высохнуть в широких проходах меж домов, ведь солнце даже и не думало туда пробраться!

Мадрид – центр жаркого красного засушливого полуострова – любезно разворачивался перед ними. Демонстрировал, как веками на этой земле шла яростная борьба за земледелие и вообще за любую зелень. Трепетное отношение к деревьям в Мадриде было особенно заметно. Их высаживали даже на крышах домов!

Вот Сан Мигель (Святой Михаил) – самый древний рынок. Прямо на тротуарах, как в Париже, столики под гигантскими зонтами, где отдыхающие могут попить кофе и отведать устриц, побеседовать, и посозерцать.

Вот роскошная мэрия. Рядом здания удивительной архитектуры, где сочетание камней, ковки и скульптуры соединены в неповторимые шедевры! Фонари всегда разные, изящно поддерживаемые затейливыми узорами кованых столбов.

Фонари и балконы – характерная деталь любого испанского города. Они отличаются в провинциях по форме. Но присутствуют обязательно.

Один раз под конным памятником какому-то очень старому военному они увидели бабочку, что, развернув великолепие узора, спасалась от зноя.

– Осторожно! Ядовитая, – предупредил Санти.

– Бабочка?

– Змею разве не видишь?

И точно. Возле бабочки вдоль гранитного постамента вытянулась змея.

Бабочка не торопилась улетать, даже когда тень путешественников коснулась крыльев. А змея не хотела уползть.

– Почему испанцы любят памятники военным? На конях?

– ...исторически, – коротко ответил Санти. – Испанцы горячий народ. Воинственный. Иначе было не выжить, когда делился мир...

– Что означает Мадрид?

– Через город течет Мансанарес, ранее принадлежавшая Кастилии. В северо-западной части города – Сьерра-де-Гуадаррама с его высочайшей точкой Пеньялара. – Ответил Сантьяго. – Название «Мадрид» связано с арабским «майра» (водный источник).

– Ты араб?

– Немного, – улыбнулся мексиканец, – чуть-чуть, как все испанцы. При добавлении частицы *it* (обилие) получается слово «*majer-it*», обозначающее «источник полных вод». Есть ещё версия. По старо-испанскому «мажерита» – лесная поросль. Считается, что город основал эмир Кордовы Мохаммед I для защиты подступов к Толедо от леонцев и кастильцев.

– Я думала ты индеец.

– Немного атоми. Чуть-чуть итальянец. Но больше баск.

– Баск? Тогда ты знаешь много старых легенд?

– Про Мадрид только одну. Она живет много лет в центре меж тех трех фонтанов – Богу Нептуну, влекомому дельфинами и конями, Богу Аполлону и Богине Кибеле на колеснице. Вон тот, что в центре площади – своеобразное устрашение для воров. Смотри, площадь Сибелес (Кибеллы) сформирована четырьмя зданиями: неоклассическим Банком Испании, дворцом Буэнависта герцогов Альба, особняком маркизов де Линарес и зданием Главного почтового управления. Предание гласит, что под ними множество древних проходов и дренажных систем. И, как только грабители посмеют проникнуть в банк, вода из фонтана уйдёт под землю и затопит хранилище вместе с ними!

– А змеи умеют плавать? – спросила Аля.

– Конечно! В Мексике есть Бог Кецаль-Коатль.

– Змей-бабочка?

– Змей с перьями.

– Я видела его... он над планетой вьётся полярным сиянием.

– Да?

– Конечно! И плавает в млечном молоке космического пути...

– Ты поэтесса?

– Немного. Но больше работаю с прозой.

Наконец, около монастыря de la Encarnación в тени деревьев они заметили скромный памятник своему кумиру. На высоком красиво украшенном постаменте, снабженном надписью «Лопе де Вега от города Мадрида 1902 год» возвышалась фигура самого знаменитого испанского драматурга, который в задумчивости рассматривает сборник своих пьес.

– Ты поняла, как называется монастырь? Де ля Энкарнацион? Ничего не напоминает?

– Реинкарнация от латинского лат. *reincarnatio* – «повторное воплощение»!!!

– Итак, давай поразмыслим и выстроим аналогии прошлого с настоящим, – продолжил ломать голову над главным вопросом Санти, когда они остановились на сиесту неподалёку от монастыря.

– Хорошо. Что мы имеем? – потягивала с наслаждением сок из тубочки Аля.

Ещё раз и ещё они пересказывали друг другу детали жизни Лопе.

В 10 лет Феликс (солнечный) перевёл в стихах «Похищение Прозерпины» Клавдиана! А вот Университет ему закончить не удалось. Благодаря горячему нраву и бойкому перу, он написал сатирическое произведение на родителей возлюбленной девушки, отвергнувшей его. В результате, он был осуждён на 10 лет изгнания из Мадрида. Несмотря на это смелый и дерзкий талантливый юноша возвращается в столицу, чтобы похитить новую даму сердца и тайно жениться на ней.

Не удивительно, что его сценические вещи столь хитроумны и запутанны. Они грустны и веселы одновременно. Порою не поймёшь, трагедия разыгрывается у вас перед глазами, или комедия!

В 1588 году Лопе де Вега принял участие в походе «Непобедимой армады», после поражения которой поселился в Валенсии, где и создал ряд драматических произведений. Лопе де Вега состоял секретарём у герцога Альбы, маркиза Малвика и герцога Лемосского. К этому же периоду относится расцвет его драматического творчества.

В 1609 году Лопе де Вега круто изменил судьбу, получив звание *familiar del Santo oficio de la Inquisición* (добровольного слуги инквизиции), а в 1614-м принял сан священника.

Лопе де Вега один из революционеров в литературе того времени. Перевернув и поставив себе на службу традиции, он не только создаёт новые произведения, но и обыгрывает старые сюжеты, бытующие в народе.

Его пьесы – многоходовки. Его герои – живы и многогранны. Достойные динамичные места занимают слуги. Эти остроумные хитрые бестии с колоритным народным языком, смекалкой и ярко выраженными пороками, смешат публику до слёз, и заставляют восхищаться гением автора.

Влюблённые люди снова и снова восторгались драматургией Лопе де Вега, рассуждали о нём, как об историке отечественном и европейском. Находили тому много свидетельств, к примеру, пьеса о Лжедмитрии «Великий герцог Московский», исторические хроники «Доблестный кордовец Педро Карбонеро», «Последний готский король», «Граф Фернан Гонсалес», «Зубцы стен Торо», «Юность Бернарда дель Карпио», «Незаконный сын Мударра» и др.

Кто не знает его «Собаки на сене» и «Учителя танцев», завоевавших восхищение России, но ведь было много других, ещё более ярких, таких, как «Любовь без правил» «Глупая для других, умная для себя», «Изобретательная влюбленная»... !

В 1932 году муниципалитет Мадрида учредил ежегодную театральную «Премиию Лопе де Вега».

– Вернёмся к инквизиции, – заострила Аля разговор. – Santa это ведь святой или священник?

– Можно и так, и так.

– Ясно.

– Ничего не ясно!

– Можно только предположить... ну, как предположение... те странные вещи во сне... стихи и прочее как-то связаны с летающим ящером, то есть змеем, то есть Кецаль-Коатлем и бабочкой...

– Вы о жиронском змее толкуете? – обернулся к ним сосед соседнего столика.

ЛЕГЕНДА О КОКОЙОНЕ, РАССКАЗАННАЯ МИГЕЛЕМ

– Открою вам все тайны Жиронского двора, если конечно угостите холодным пивом! – воскликнул небольшого роста старик и бесцеремонно занял третий стульчик за их столиком. – Старина Мигель кое-что знает о змее и бабочке...

– Конечно, прошу Вас, – кивнул Санти, внимательно изучив незнакомца с ног до головы. Внешне приветливый и развязный он, тем не менее, вызывал смутную тревогу; может, взгляд неувлимо суетлив, и напряжённая улыбка.

Старик не торопился вещать, ждал пива:

– Всё-таки Жирона ближе к Франции. Не знаю даже, чего в ней больше, испанского, еврейского или французского... Нет? Не согласны? Мигель, меня зовут Мигель...

– Я Лопе, а она Вега, – представился в тон Санти. – А где Ваша Жирона? Далеко?

Старик захохотал, оценив шутку.

– Почему это она моя? Может, она боле как раз таки ваша!

Принесли пива. Он втянул в чёрное солнце пасти золотистую пенку:

– Это средневековое графство вы легко отыщите между Барселоной и Фигерасом. Жирона (Херона, Жирундум) живёт себе не одну тысячу лет на территории современной испанской провинции Каталунии. Скажу по секрету, это с-а-а-а-мое загадочное место старой Испании. Ничего такого таинственного вы не прочтёте в официальных источниках! Но! Именно здесь проживают самые богатые люди ми-и-и-и-ра. Именно отсюда снабжённый таинственными ка-а-а-артами, отправился в Америку Колумб! Именно в Жирундум стали доставляться несметные сокровища, о которых не мог мечтать даже Крёз! Именно отсюда уехала на другой материк Статуя Свободы...

– При чём же здесь змей и бабочка? – скептически спросил Санти.

– А при том, что по преданию своим названием город обязан трехголовому чудищу Жерио, пришедшему сюда с юга Испании. Жерио влюбился в местную красавицу по имени Пирене, та сбежала от него в окружающие город леса. Жерио, взбешённый непокорностью красавицы, поджёг лес, и Пирене погибла в огне. Геркулес – легендарный основатель Испании, также влюблённый в Пирене, отомстил за её смерть, убив Жерио, а затем похоронил свою возлюбленную, навалив груды камней на её могилу. Могила оказалась так велика, что образовались Пиренеи.

Но у дракона Жерио осталось три сына. Они-то и основали в честь отца треугольную крепость на берегу реки Оньяр и назвали её Жирона.

– Треугольная крепость есть только в Германии. Под аббревиатурой «SS» скрывалось «die Schwarze Sonne», «Чёрное солнце». Тайные мистерии, основанные на древних практиках, проводились Гитлером в крепости Вевельсбург, также имеющей треугольную форму, – шепнула Аля Санти.

Помолчала и вслух спросила старика:

– Так что же; потомки Жерио тоже трехголовы?

– Отнюдь, – скрипуче захихикал дедок, опустил голову. – Где вы видите на этой шее три головы? Жирона только на вид похожа на тысячи других средневековых городков!

Он вскинул голову и гордо воскликнул:

– Но это настоящий! Масонский город!

Санти заказал вторую кружку. Старик тут же подобрел:

– В начале нашей эры в Жерундуме, а это истинное название Жироны, поселились первые семьи сефардов – испанских евреев, а затем Жирона стала крупным иудейским центром. Именно здесь возникло учение о Кабале, а сейчас недалеко от переулка, где жил её автор, можно посетить музей сефардов и побывать в еврейском центре культуры.

Мигель, приглушив голос, зашептал, приблизившись к лицам собеседников так, что слышали только лишь они:

– В ночь Святого Жуана на 24 июня, когда из недр земли выходят духи и призраки, в ночном аромате парка можно слышать шёпот и печальные песни. Это загубленные души оплакивают свою печальную участь.

– Ну и что?

– Разве ещё не ясно?

– Нет.

– Почётным животным города считается... муха!

– Муха или бабочка?

– О бабочке потом поговорим. Сейчас о мухе, её же на багажниках машин приклеивают вместе с каталунским осликом! Именно мухи, вылетевшие из гроба Святого Нарциса, помогли защитить город от французских захватчиков! Святой похоронен в одной из церквей старой Жироны, каждую осень пышно отмечают праздники в его честь.

– А змей-бабочка?

– То ж Кокойона!

– И?

– Что и? Умейте же слушать!... Гярсон! Ещё пива, пожалуйста!

Он уморительно сморщил лоб, приблизив его к носу, и в оправдание произнес:

– Жарко...

– Вы о кокойоне хотели рассказать, – напомнил Санти.

– Конечно, я для того и подсел к вашему разговору. Кокойона – гибрид крокодила и бабочки, проплывающий в лунную ночь под мостами реки Оньяр города Жерундум. Легенда гласит, что когда-то на этой реке находился женский монастырь, обитательницы которого, мягко говоря, не очень придерживались правил монашеской жизни. Кроме одной! Единственная молодая монашка, строго следовавшая монастырскому уставу, настолько надоела своими укорами остальным, что те, недолго думая, заточили её в подземелье, где девушка провела несколько лет. От тяжелых условий жизни и сырости, девушка превратилась в водного ящера. Возможно, она также была прямым потомком трехголового дракона Жерио. Но душа её оставалась чистой, поэтому у ящера выросли крылья бабочки. Ящер-бабочка прорыл подземный ход...

– Так-таки и прорыл?

– Д-а-а-а-а, – уверенно растянул Мигель, точно видел всё это собственными глазами. – Он прорыл. Она прорыла, то есть. И выплыла, в смысле выплыл в реку. И теперь особо романтичные жители города и туристы стараются увидеть тень, скользящую по реке в летнюю ночь. Я помог вам?

– Очень! – улыбнулась Аля.

– Ещё пива, и за Жирону я расскажу вам всё: есть здесь и ведьма, пугающая детей, и двухвостая русалка с роскошными волосами, и хитрый бесёнок, помогающий избавиться от долгов, и шут когда-то героически веселивший жителей в умиравшем от эпидемии городе и за это поплатившимся жизнью. Общепринятая привычка бросать в фонтан монетку, чтобы вернуться, заменена в Жироне своеобразным еврейским ритуалом. Есть в городе поговорка “Кто не поцелует изваяние львицы (леона) под хвостом, не сможет стать гражданином Жироны”. Теперь для желающих побывать здесь ещё раз к задней части львицы подставлена лесенка, а раньше приходилось взбираться на столб...

– Нет-нет, нам уже пора, – засобирались влюблённые, а чтобы не расстраивать собеседника, оставили ему на пиво...

ЛЕГЕНДА О КЕЦАЛЬКОАТЛЕ, РАССКАЗАННАЯ САНТИ

Ночной Мадрид переливался рекламными змеями.

Бабочка-дракон Жироны не давала покоя влюблённым. Повсюду им казалось, что видят её, мерцающую среди кованых решёток.

Свет Кокойоны то пролетал по небу, то проползал под ногами прохожих.

– У нас в Мехико есть старый район Койоакан.

– Кан – город. Койо – ??? Бабочка?

– Койоты. Это луговые волки.

– Летающие ящеры с крыльями?

– Нет. Летающий ящер у нас Кецалькоатль, Quetzalcōātl – «пернатый змей»!

– А это на каком языке? – загорелись глаза у Алевтины.

– Язык науатль. Кецалькоатль – один из главных ацтекских богов и вообще древней Америки, которая была до испанцев. Кецалькоатль считается сыном богини Чимальмы, она зачала Кецалькоатля, проглотив драгоценный камень жад!

– Жад? Опять следы Жерио?

– Нет.

– Но как похоже!

– Да нет же. Послушай. Кецаль – это птица с ярко-изумрудным оперением, которое высоко ценилось у нас в традиционных культурах. К тому же она не просто птица, а ещё и символ свободы.

– Как их кокойона и наша синяя птица?

– У вас нет синих птиц. У нас есть. Кецаль не живёт в неволе.

– А ты живёшь?

– Я не кецаль!

– Разве? Зачем тогда полетел за мною в Мадрид?

– Я тебя полюбил.

– Жён своих не любил?

– Это другое.

– Я правда не до конца знаю, почему изображения Кецалькоатля и смерти находили вместе на пирамиде Солнца...

– «...Там, за двумя перевалами

ударит по рёбрам плоть,

Вся жизнь – лишь дорога

На гору,

с которой смеется смерть...»

– Смерть?

– Вот и я всё думаю, смерть или не смерть...

СГОРЕВШАЯ НА КОСТРЕ ИНКВИЗИЦИИ

Когда влюблённые после насыщенного дня засыпали, срастаясь в объятиях, они даже не вспомнили чудаковатого старика – хранителя Жиронских тайн. А в церкви, где захоронен Лопе, взволнованный дневной встречей с молодыми людьми, горячо каялся монах Мигель:

– De profundis clamavi ad te, Domine! (лат.) Из глубины взываю к тебе, о! Господи!

Прости, согрешил с лишнею кружкой пива! Снизошёл до попрошайничества, не вынес засухи живота!

Прости меня, Господи, ведь я Та!

Сгоревшая на костре инквизиции! Невинная жертва!

Та, что была убита за чей-то грех, задыхающаяся от несправедливости, ... повинною я была в проклятии великого Лопе!

... В те тёмные времена инквизиция под знаменами святой церкви свирепствовала на Пиренеях. Лопе де Вега на склоне жизни поступил на службу инквизиции, приняв на себя этот крест. Поэтому был вынужден участвовать в проводимых церковью казнях. Не все жертвы были виновны. Одна из

них на смертном одре воззвала к Господу, свершив тем самым великий христианский грех проклятья. А проклянувший и проклятый – один грех...

– Прости меня, Господи, ведь я Та!

Сгоревшая на костре инквизиции! Из-за меня ушедший в мир иной Лопе де Вега был рассечён мечом архангела Света на четыре части.

Первая – обернулась электрической молнией в тело змея, вторая – упорхнула бабочкой. Третья – стала талантливой женщиной, четвёртая – серьёзным мужчиной, учёным, политиком, философом.

Ветер солнечный сдул эти четыре пылинки с горизонта жизни, и отправились скитальцы по свету.

Прокляла я его. Прокляла!

Теперь проклятый и проклянувший в обоюдных мучениях отмеряют пятый век, собираясь и распадаясь снова. Пока не простишь ты нас, Господи!

Не было, нет, и не будет нам покоя. И нет смысла в существовании.

Лишь тоска разъедает грудь.

Лишь душу разрывает притяжение.

Но кто бы на земле мог понять и предугадать последствия за сиё четвертование – расчленение его души, чтобы бабочка, чтобы дракон, чтобы лёд и пламень, чтобы белая роза и чёрный кактус?

Прими молитву мою о прощении.

Вижу, время их встречи, продолжительностью в жизнь бабочки, вновь истекает. Дай им силы разорвать объятия и умереть в последний раз!

Прости меня!

Амэн.

ВСЁ О ДРАКОНАХ И БАБОЧКАХ

– Почему ты всё время смотришь на меня? Разве не интересен тебе Мадрид?

– Столица, как столица...

– Давай купим вон то платье? Будешь ходить по Москве ярким цветком бугенвиллии...

– Зачем тратить время? Лучше побудем последний день вместе.

Санти чувствовал то же, что и она. И всё-таки настаивал:

– Взгляни же на фасады. Какая архитектура! Ты никогда не увидишь такой красоты!

– ... тысячу раз! – чуть не плача возражала Аля, понимая, что не ощутить большего тепла, чем от яркого света глаз Сантьяго.

– ...мы знали...

А в постели снова и снова спрашивал он у неба. Почему женщина, что данная как эталон, почему она должна улететь на Восток, а он – на Запад?

Будто он вернул способность видеть её ауру, похожую на кокон бабочки.

Физическое тело этой радужной, видимой в ночи ауры менялось. Оно то вырастало, красиво распахиваясь, то собирало крылья яркими перьями у лица.

Когда Аля стонала под напором его змея, превращающегося в цветок, энергетические крылья рук приобретали форму гигантских крыльев бабочки.

Солнечные эти бабочки, рождающие одна из другой, как матрёшки или египетские саркофаги, купались свободно в неразбавленном молоке любви. Пили тёплый нектар млечного пути. Вечного пути...

И энергия этих чувств передавалась его рукам и ногам. Он заражался ими, покрываясь радужным светом, рождающимся из белого света её души. Он ощущал себя именно этим световым стержнем в ней, выходящим из себя... выходящим из неё... обвивающимся зелёными волнами энергий полярных сияний вокруг планеты...

А на дивной её шелковой коже – возможно ли это понять? – на коже проявлялось новым сознанием зелёно-золотая, или нет, скорее изумрудно-огненная змеиная чешуя...!!!

Бабочки отражались друг в друге, сотрясаясь в едином порыве. Кровать, резонируя от вибраций, перемещалась к зеркалу, возвращалась обратно...

Соседи снизу лихорадочно курили. А идеальный баланс всех двойственностей жизни, расчленённый четверо крест-на крест, показывал, что он на самом деле являлся теперь единым неделимым. Целым.

Духовная Сущность Креста, Свободы и Бога, что люди называют Душой, пульсировала на ресницах: задумав – взлетала, раздумав – приземлялась обратно в тела мужчины и женщины, любующихся с закрытыми глазами друг другом – образу и подобию своему.

Солнечные частоты энергий выбивались в окна, слепили рекламы Мадрида. Заставляли прохожих останавливаться с замиранием сердца в необъяснимом эффекте трансформаций пересекающихся времён.

Независимо от светового диапазона, всё, к чему прикасалась эта солнечная гармония любви, становилось изнутри белым и радужно-прозрачным.

Утром завершающего дня, небесное светило выпустило лучи с площади Ворота Солнца Пуэрта-дель-Соль. И от солнечной короны по всему миру устремились потоки умиротворённого счастья.

– Я ЗНАЮ ВСЁ О ДРАКОНАХ! – засыпала утром Аля.

– Я ЗНАЮ ВСЁ О БАБОЧКАХ! – засыпал Санти.

Звучание чистой ноты пробуждения обретших смысл жизни пары счастливых, в центре диссонирующих звуков бытия, отозвалось камертоном ожидания и надежды во всех сердцах планеты.

«Ты ещё не знаешь, что такое истинное счастье!» – увлекла дразнящая эта нота. «Ты рожден лишь для того, чтобы познать однажды её сладость».

Они умирали от любви.

Распыление звука утекало по солнечным лучам, как выдох таявших крыльев волшебной ночи.

РАССТАВАНИЕ

– ...не провожай меня, – попросил Санти. – Попрощаемся на углу, где такси...

– Хорошо.

Они оделись, не глядя друг на друга, точно стыдясь перед увиденным ночью змеем-бабочкой, что ничего не могут изменить, даже ради чуда, свидетелем которому стали оба.

Алевтина не мыслила себя без Москвы, без аспирантуры и без бабы Марфы. Без смешной клички Антресолька...

Сантьяго не мог оставить тех, кто растил наследников его мудрости.

Расставание было неизбежно.

Чёрные, как смоль, его опущенные в пол ресницы. Что прячет взгляд?

Почему именно ЭТО остро ударило в сознание женщины непреодолимой безутешностью? Электрическим разрядом без проводов? Зелёною молнией оголённого чувства? Чтобы никто – НИКТО, даже ОНА – не могла считать информацию горя с его дрогнувших ресниц?!!

Кофе сварили сами. Но не прикоснулись от волнения. Не пригубили и капли.

Из её руки выпал и разлетелся вдребезги стакан.

– К счастью, – удивилась она.

У него почему-то лопнул экран мобильного телефона... в его чреве на целых пять дней были захоронены и отключены от новой жизни номера женщин, ожидающих действия сети...

Она подумала о новой пьесе.

Он – о новой статье...

Пара шла по ровным плиточкам улицы Аточе.

Сколько осталось? Пятнадцать минут? Десять? Пять? Четыре?

– Всё. Здесь, – сказал он. Непонятно зачем, он торопил время, чтобы закончить урок.

– Здесь? – переспросила Антресолька.

– Да.

Последнее отлучение тел походило больше на насильственный разрыв мощных стальных магнитов. Мужчина пошёл, не оглядываясь.

Женщина, забыв как дышать, смотрела вслед, пока не смолкли за поворотом звуки неуклюжих чемоданных колесиков.

Да. В ней росла вселенная, разбуженная чьим-то стуком, запущенная стучать в ответ соучастием. Сопричастием. Причастием. При счастии. При беде. При чувстве. Как вибрация Морзянки... тук-тук. Точка тире. Точка. Спасите наши души! SOS – стучало созвездие. А, может галактика, не услышанная никем, кроме неё... Может, она – единственный проводник? Параметр???, характеризующий свойства всей электрической установки пространства и времени? Переговаривающиеся, перестукивающиеся, замкнутые друг на друга миры, её и космоса содрогались почти одновременно. Способные связывать один атом? Что это: атом? Что это – электричество? Валентность? Одновалентность? Одночувствие? Как Ом – великий и непогрешимый – создал закон об электричестве, так и не поняв, что такое любовь? Где она? Почему не все сердца способны воспринимать гравитацию переживаний Бездны? А только понимающие музыку сфер? Почему для одних «закон писан», для других нет???... Может, это и не закон вовсе? А исключение?

Она всё ещё стояла на том месте, где произошло затмение души. Сжавшись, как от крапивных ударов бабки Марфы.

Стемнело. Показалось, глаза ослепли... от слёз. «Я выдержу, – шептала Антресолька. – Не выдохну его вздох. Сберегу в своем сердце. Не сломаюсь».

Она... усилием воли старалась запустить остановившееся сердце снова.

Он...

Он чувствовал то же самое.

ЗВЕЗДНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Между Большой и Малой медведицей – созвездие дракона, ожившее всеми звёздами, зашевелилось, запереливалось чешуёю всех входящих в него невидимых далеких звёзд. Хвостом ударило по млечному пути вселенского моря, взбивая его в масло. На землю брызгами полетели падающие звёзды, всколыхнув на бумаге неиссякаемый речной поток синих чернил!

Дивились люди, загадывали желания.

Они не исполнялись...

